PG
3979
P7P72
1899

UNIVERSITY OF TORONTO
VELUT ARBOR ÆVO

From the Collection
of the late

JOHN LUCZKIW

he Parable of Good Samarian,"

DRAMATICAL POEM.

---

o Reverend Bishop Nicholas, of Taurida,

LATE OF ALASKA.

THE RECALL ON "FAREWELL ADDRESS,"

BY

EMILE PROZORA.

РИТЧА САМАРЯНИНА,"

Драматическая Поэма.

ПРЕОСВЯЩЕННОМУ НИКОЛАЮ,

копу Таврическому, бувшему Аляскинскому.

ОТЗЫВ НА

„ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО."

Напысав ОМЕЛЯН ПРОЗОРА.

NEW YORK.

1899.

"The Parable of Good Samarian,"

DRAMATICAL POEM.

To Reverend Bishop Nicholas, of Taurida,

LATE OF ALASKA.

THE RECALL ON "FAREWELL ADDRESS,"

BY

EMILE PROZORA.

„ПРИТЧА САМАРЯНИНА,"

Драматическая Поэма.

ПРЕОСВЯЩЕННОМУ НИКОЛАЮ,

Епископу Таврическому, бувшему Аляскинскому.

ОТЗЫВ НА

„ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО."

Напысав ОМЕЛЯН ПРОЗОРА.

NEW YORK.
1899.

ЗБІРКА
САНА ЛУЧКОВА

NOV
19
1985

ПЕРЕДМОВА.

Есть в міри люды, що своим остроуміем и прозорлывостію проныкають чужи мысли и идеялы, но таких мало.

Мы, со своей стороны, для общежелаемого доступу, даем в кратци результат на популярность сіи поэмы, в якій со стороны духовенства к порабощенным массам распростерлась крывда нашого времени от начала до самого эпилога:

1) СЫРОТА, — либерал; нисля наукы чумака стався революціонером („Грыцем").

2) ЧУМАК, опытный революціонер.

3) ВАРНАК (тюряжныk), запрыщенни кныгы в Россіи.

4) КАТЫРЫНА, царскый шпіон, но в души друг революціонера и став на тим-же попрыщи, що и революціонер.

5) ПАРАСКА,—свобода.

6) РИДНА МАТЫ,—рабоча класса.

Омелян Прозора.

КОНКУРС!

Браты мои, роботныкы,
Браты мои, мыли!
Браты правды охотныкы,
Браты преуныли!

Браты мои, добродіи,
Браты и родымци!
Пиддержуймо лышь идеи,
Щоб побороть кровопыйцив;

На що тыснуть народ,
У тырански ярма,
Та от рода и в род,
Мучять, мучять дармо?

Чому, воны, в натури
Не дають розвыться,
Щоб служыты культури
Не богу молыться?

Праведенъ Господь, и правды возлюби,
Правоты видѣ лице его. (Псаломъ 10, ст. 7)

I.

Не далеко от Козына *),
(На мыліи Украини),
Блукгав бидный сыротына,
В латаній свытыни.

Ходыв, блукгав, безталанный,
От деревни до города,
Хотив найняться у наймы —
И чуть не вмер из голоду.

Покы бога просыв,
То бог мучыв его волю,
А як бога залышыв,
То найшов щедру долю.

Ишов вин бидный степом
И вже начав шкандыбать;

---

*) Мѣстечко, Кіевской губ., Каневскаго уѣзда.

Ихав пип из семейством,
И дума: „требаб его запытать,

Може йде в Кыив на прощу,
И як мае троха грошый,
То в свои церкви отпущу —
Це случай буде хорошый!“

Торкнув кучыра у спыну,
Кучыр копи спынув,
Пип пытае сыротыну:
„Куда идеш? або де ходывъ?“

Скыда бидный сырота
Полатану шапку
И благосклонно пыта:
„О, батюшка, духовный татку! —

Чы позволыте мени
Поцилувать Вашу руку?“
Пип: „А чому-же, чому ни?
Ты, бачу, маеш через грихы муку.

И благословыть:

„Во имя отца... и св. духа.“
Сырота руку цилуе,
А пип: „ты липывый исяюха?“
Сырота: „О. нехай бог мылуе.

„Боже мій! и вмываиться слезою.
Пип: „Из якого ты села?
Та неплач — Господь с тобою.—
Що за бида тебе постыгла?“

Сырота: „Я. батюшко, из Пылявы,
Прошусь де небудь у наймы,
Порвав чоботы. й халявы
И боюся теперь мамы.—

„Мама буде за чоботы быть.
Шукаю вже сим недиль. —
И не можу бильшь ходыть
Бо мабуть обыйшов сто мыль.“

Пип: „А як там у Пыляви живуть
Духовиный батько Данылю?“
С.: „О. воны там жывуть
Дуже. дуже премыло.“

Пип: Ну, трогай, Мыкыто!
А ты, хлопче, прощай:
Погляным на пшыныцю и жыто,
Бо сю нич мороз аж трищав,
То може шкоды наробыв.“

II.

Ище щось гомонилы
Гуртом у карети,
А в сыроты ногы млилы
И вшам недавав права в роботи.

Похылыв елыко мога
Прямо до села,
И смыренно пытав бога:
„Чому доля невесела?

„Чому вона не така,
Як у попового Степана?
„Степан скака гопака,
И буде за пана.

Притча Самарянина.

„Ему батько купыв книгы,
Шапку, чоботы й кожух,
А я ледви тягну ногы
И сю нич чуть не выскочыв дух.

„И нии недасть избрыхать,
Що сю нич мороз трищав,
Алы вин нехотив пытать,
Де я бидный ночував!

„О, боже! Я зате невынын,
Що невмію с книжкы молытысь,
Алы де небудь новынын,
Хоть трошкы навчытысь!

„Покойный батько казалы,
Що колысь люды раю сподобылысь
Тым, що через колодку скакалы
А с книжкы и немолылысь.

„И я те, зробыв-бы, боже!
Алы де колодкы взять?
Ни, ничого не поможе,—
Треба р село шкандыбать.“

Иде соби бидолаха,
Ледви ногы тягне,
Колы дывыться — над шляхом
Покопани ямы...

„От-де,“ каже, „моя колодка!
Тут начну богови скакать;
Може дасть щось для жолудка,
Бо треба й зубам роботы дать.“

Скакав и молывся:

„Оце тоби Володарю,
А це мени сыроти;
От тебе исты жадаю,
Аж попухло в жывоти!“

Довгенько бидный скакав,
Покы дуже утомывся;
Утомывшесь в ямку упав
И на бога розгнивывся:

„Тяжко,“ каже, „втомленым ногам,
Тоби боже и соби скакать:

Бодай не прыйшлось врагам
Так тяжко тебе прохать!“

Сив соби бидолаха
И дуже зажурывся,
Ихав ниш назад—и не забалакав,—
Тилько косо подывывся.

Одно з дитей обызвалось:
„Батюшка! Возьмим цего хлопця!“
Попови це не вподобалось,—
Ибы вкололо его до сердця,—

И сказав: „Войди ночь!
Хохлацкая рожа,
Головы не морочь —
Бо й ты на его похожа.“

„Эх ты Хаме патлатый,“
Прошыптав сырота;
„Може й тобй так, проклятый,
Прыйдеться за жывота.
„Я ще на бога уповаю,
Що службу соби найду;

Якось в село дошкандыбаю,
А до тебе незайду.

„Во вик того незабуду,
Що ты мени непомиг,
Просыть Господа буду,
Щоб дав сылы хоть для ниг!

„Боже, боже, прызры з неба,
Бо неможу скакать,
Дай мени чого треба,
Бо прыходыться вмирать.“

Выкарабкавсь сыротына,
Помаленьку з ямкы,
Пожовкла бидна детына,
Мов за серце тягнуть нявкы.

Рад-бы иты, алы ноги мліють,
Колы гляне назад,
Аж два возы мріють,
„Ну теперь,“ каже, „буде лад!

Притча Самарянина.

„Буду-ж я тут ожыдать,—
В другу ямку сяду,
Як що чумак буде спать,
То прыченлюсь иззаду!...“

Колы молодый чумак,
Волы поганяе,
И як звычайный козак —
Писеньку спивае:

„Гей волыкы круторогі!
Бо выдно село Расаву;
Може стрину на дорози
Дивчыну русяву.

„Як у Фастов прыбуду
До хазяйскои хаты,
То й чорняву добуду,
И буду замиж пытаты.

„Гей волыкы круторогі!
Люблю вас, хоть и немои,
Алы прыйдемо з „дороги“
То буде Параска мени!“

А той слуха неборака,
И каже: „От голосок в козака,
А я скорчывсь як собака —
Бо доля моя така.

„Устану-ж я, помаленьку,
Буду дальше шкандыбать,
Бо вже парынь, блызенько,
То може скаже на виз сидать!

„Ох! Тяжко встаеться,
З маленькои ямы;
Нехай легко гекнеться
Мои бидни мами.—

„Мама мени прыказалы,
Як ненаймус до недили,
То чобит драть заказалы,—
А щоб прыйшов, надив сорочку билу.“

Чумак сыроту побачыв,
Волы швыдче поганяе;
Сердешный нибы аж плаче—
И от-от доганяе.

„Гей, хлопчыно! потрывай!“
Молодый чумак крычав;
„Иды лыш на виз сидай,
Бо я вже таких стричав.—

„Звиткиля ты пане брате?“
Сирота: „Я из села Пылявы —
Мылый, ридный брате!“
Чумак: „Пащож носыш халявы?“

Потим испынив волы,
„Иды лыш навиз вылазь!“
Сыр.: „С халяв будуть постолы,
Бо бачте, вже замерзла грязь.“

Аж крекче сырота,
Та на виз вылазыть,
А воши як чырыда
По бидному лазять.

„Просты мыни брате мылый,
Добродушный чумаче,
Я сырота несчаслывый,
Як бачыш козаче.“

Чумак: „Нежурыся хлопчыно,
Що потоби скотына насеться,
За те твоя сыротыно
Хоть душа спасеться.

„Можеб ты що пв,
То кажы не стыдыся!“
Сыр.: „Спасыби що на виз сив,
И навчусь, то буду молыться.

„Теперь тры ночи и тры дни,
Як сывенькый боже спасы его дид,
Над Каневом в курыни,
Отдав мени свій обид.

„Вчора зъив дви груши;
Та ню собы потроху воду,
И так мои гришни души
Недаю з себе выходу.“

Чумак одмыка чулан,—
Хлиб и рыбу достае:
Повелыв рушать волам
И блыжнему трапезу дае.

Сыр.: „Эх-ты, рідный, мылый брате,
Будеш счаслывый пред богом,
Що не дав мени загыбаты
На поли убогым!“

Свою сылу пидкрыняе,
Веселіють очи,
На чумака поглядае,
А думкы пророчи:

„Скажи,“ каже, „добродію,
Як маю тебе звать?
„Я вселю в сердце идею
До смерты тебе незабувать!“

„Я звуся Ѳодось Груша,“
Обызвався добродушный чумак.
Сыр.: „Чыста твоя пред богом душа,
Ты святый и праведный козак.“

Став на вози, на колина,
Богу помолыться.
Та забув попове имя
Щоб за гордость похвалыться.

„Благодарю Володарю,
За чумаченька Грушу!
Я жадаю Володарю
Щоб ты храныв его душу.—

„По смерти, в рай щоб водворыв,
Або в Авраамове лоно!
А попа, щоб затворыв
У пекло, (на саме дно!)

„Нехай там, лютый хам,
В смоли горячи кыпыть,
Щоб знав Хам, що и нам
Треба, на билому свити жыть.

„Може вин нетак зветься,
Як тоби боже кажу,
Алы як бачыть прыйдеться,
То лычно его вкажу.

„Скарай его боже мій,
Скарай его злого,
Бо вин бачыв, и неспомиг
Сероты малого.“

Чумак. „Годи, годи, друже-брате,
Молытыся богу,
Я дывуюсь с тебе брате —
Дывуюся, ей-же-богу:

„Бог знаеш не тыля,
Що ты его учыш:
Вин бачыть из виттиля —
На що сердце мучыш?

„Сидай лышынь, друже-брате,
Де що поговорым,
Бо треба добре знаты
Як боротыся з горым.

„Ты скажы мени друже,
Що с тобою за прычына,
Що потоби лазыть дуже
Безрога скотына?“

Сырота: „Ох, скотына-зла скотына!“
И дав слезам волю.
„Я убогый сыротына
Таку маю долю:

„Я був пятьлитній хлопчык,
Як батько ходылы в лис...
А их зловыв полисовщык —
И засвыстив наче бис.

„Батько дрова покынулы,
И началы его просыть,
Алы други приленулы
И началы батька быть.

„А ты сякый такый сыну!
Мы тебе зловылы,
Ты вчора рубав дубыну“—
И до смерти былы.

„Убытого, в рив затяглы,
А сухи дрова сховалы;
Мама тата там найшлы —
Та свидкив немалы...

„Позычылы для попа,
У Шулыма грошый,
А вин нехрыст, колупа
З нас процент хорошый.

„Поховалы покойного
В убогіи домовыни,
А мы пишлы до одного
Служыть по Украини.

„Покы булы урожаи,
На чужому поли,
То нас хазяины держалы,
А теперь нема — немае и доли.

„Нас у мамы пять сынив,
И дви малых дочкы;
Всякому треба штанив,
Синдычкы й сорочкы.

„Я служыв аж тры рокы
У своему такы сели;
Теперь маю тяжки морокы
Бо мов ввирвавсь от гили.“

Чумак: „Тяжко брате слухаты,
Твою плачевную мову,
Перестань лыш плакаты—
Я дам сердцю твоему обнову.

„У цим сели, що вперед,
Я служыв у наймах,
Там есть молоко и мед —
А хазяйка як ридна мама.

„У те время, ночувалы
В цим сели цыганы,
И в хазяйкы тіи вкралы
Дытыну погани.

„Вона бидна, скризь шукала
И сылно журылась,
За гроши бога прохала,
И сама молылась.

„Молылась, алы ненайшла
Одиорочного Грыця,
И була зъума зыйшла
Бидна молодыця.

„Честного еи мужа,
Взялы в москали,
А вин з горя заныдужав
И вмер — то вона ма дви печали.

„Теперь треба скомпонувать
Щоб ты си був за сына,
А то секретно сказать:
Я мамо ваша детына.

„Мене цыганы укралы,
И завызлы аж до моря,
Та в Одесси продали
Де я пидростав без горя.

„Цилував в рукы неридных.
Всякый, всякый божій день;
Що в помыслах моих бидных,
То никому ни телень.

„Постоянно замичав,
Що неридный батько й маты,
И думать соби почав:
Як-же то дознатысь,—

Дознатысь, де мій ридный отець
И де моя ридна мама?
То пишов-бы навпростець
Малыми ногамы.

„А бог, мою думку,
Из небес побачыв,—
И неначе в клунку
Секрет прыволочыв.—

„Высыпав серед хаты,
Безсталанному (мени)
И каже: „Це нетвій батько и маты
Ты еси начужыни.“

„Так було,— до нерідної з Полтавы,
Брат и сестра прыиздылы,
И похерам еи пыталы:
Звиткиля и як мене купылы?

„Я похерам все второпав,
И просывся погулять,
Жыво дверыма зарыпав
Нибы рад був що велять.—

„Алы нетак! Дверыма рыпнув,
И тыхо пидкровать сховався,
Сив соби и нечечыркнув —
Та добре прыслухався.

„Неридна им росказалы,
Тіи идеи химерни,
И що я з села Расавы
Кіевской губерни.“

III.

Сырота: „Трудно. брате, товаришу,
Выповнять цю раду;
Вы знаете що я мушу
Прызнатысь попови правду.

„Уже одному й прызнався,
Як вин лютый мене стричав,
Що треба було ему — „спытався,“
А потим сказав: „прощай...“

„Той-же хам необашній,
Всим людям мене покаже,
Що я с Пылявы несчасный,—
Шкода рады—ничого непоможе.

„Вже прыходыться вмирать
Бо такая доля,

А все буду уповать
Що це божа воля.“

IV.

Чумак: „Тым-то хлопче и горе
Що наша братія побожна,
Зате нас духовенство боре
И выссыса кровь як можна.

„Ты ще брате молодый,
Щоб дознатысь як то е,
И я колыс був такый
Що казав: „усе, усе бог дае...“—

„Недавно Сибирскый варнак
Случывся мени в степу,
И дуже потвердыв отак:
„Невѣрь братец попу!

„Поп гультай и дармоѣд,—
(Это всѣм очевидно),
И заметает свой слѣд
Дабы бѣдным небыло видно.“

„Той варнак нам сымпатычный:
По мови выдно, що був москаль,
За непорядок полытычный
Зробыв родни свои жаль.
„Вин був членом Кіевскои академи,
И за святіи дила зловыв его генерал,
Та для полытычнои энтиміи,
Загнав як пса за Урал.
„Потим вин (святый муж),
Якось там ситку прорвав,
И середночи як дуж
От катаргы утикав.
„Прыплыв вин Чорным морем,
До полуострова Крыма,
Обкутавшысь лютым горем,
Понуро седив та дримав.
„Я его найшов, над шляхом
Шырокого крымского поля,
Розбудыв святого зо страхом
Та завиз аж до Мариполя. *)

Гор. Маріуполь, Екатеринославской губ.

„Вин мене научыв,
Яки попы шарлатаны,
Давать грошый запрытыв
И казав: „Они подлые цыганы.“

Сырота: „Розумію добродію,
Що учыте доладу,
Алы що тоди подію
Як зализу в биду?

„Я ще хлопыць молодый,
Необузданный умом,
То тойже пип преподлый
Осквернуть мене багном...“

Чумак: „Ну робы соби як знаеш,
Колы не слухаеш мене,
Може мене изгадаеш
Як другый пип обмыне.“

Зажурывся сыротына,
Що соби покою неможе дать,
Тай каже бидна детына:
„Ох! де я буду почувать?“

Чумак волы поганяє
И каже: „слава тоби боже,
Що мисяць вырынає,
То вин нам обом поможе.“

Сырота: „Эч якый засіяв,
Аж выдно до села;
Алы брат брата пидняв
На ему на выла.“

Чумак: „Ты думаеш що все правда,
Що стари люды кажуть,
За те им лыха бида
И нас попы вяжуть.

„Ты поглянь лыш на закон
Блызенько, на „Притчу Самаряныпа,“
Як з Іерусалыма в Ерихон...
И лежав бидолаха—як и ты сыротыпа.

„Тыж ледви йшов по дорози,
Бо вже нечуствовав и ниг,

Якбы-ж пип, вирыв о бози,
То вин-бы тоби помиг.

„Невира пип,—бач невира,—
И лютая гадюка,
Людей бидных обдыра —
И думае: „От вам глупым мука;

Я вас слипых нестыжуся,
Бо в ваших очях суть тьма,
А бога, небоюся,
Бо его небуло й нема.“

„Так-то брате козаче,
Лютый пип нас обдырае,
А святый, свободномыслящый
плаче,
И за нас помирае.

„Дорожы оци моменты;
Выповняй мій совит.
„Це суть добри элементы,
Будым жыты много лит.

„Жаль мени молодыци.
Що за матирь раю:
Тоби отказатысь негодыться,
Бо судьба за те, скарае.

„Скажы-ж брате, мени
Откровенну правду,
Надумався ты, чы ни,
Вчынить мою раду?“

Сырота: „Радь-же, радь добродію!
Ты бачу з людьмы стричався,
А я що соби подію
Колы з горым звичався.

„Найбильше мое горе,
Прокляти, зли вони,
Яб им лютым зробыв море
Якбы-то мав гроши.

„Яб одежыну купыв,
А им-бы зробыв кару:
Взявбы, клятих, потопыв
Або попик-бы у жару.

„Неуповав-бы на божу волю,
Колы вин бидных нылюбыть,
Бачыть мою лыху долю —
Ище-й вошамы губыть!“

Чумак: „Так-бы давно було сказать,—
Бо бач, село вже блызенько. —
Як маю тебе звать?“
Сырота: „Иван Лымаренко.“

Чумак: „Слухай-же брате Иване,
Що буду тобн казать;
Незробыш, то буде погано;
Божи вони тебе зандять.

„Та вдова, зветься Чередныч ка,
В неи хата на помости,
(По цим боци ричкы)—
Вона вбогых, прыйма за гости.

„Коло хаты садочок
И велыка пасика,
А напротив ставочок,—
Жыва вода протика.

„От-же пидыш навиростець;
Того щоб пызабував,
Що не Иван—а „Грыць;“
Щоб про тебе нии незнав.

„Щоб незнав, покы вычуняеш,
А тоди вин непознае
Що ты знужды обманюнш —
И Грыцем тебе прызнае.

Може пидыш до школы,
То учыся и мужайсь!“
Затым спыняе волы
И каже: „Ну лыш хлопче излазь!

„Та йды брате Лымаренку
Стежычкою прямо.
Прыйдыш к викну помаленьку,
Постуканш. и скажыш: мамо!—

Одчынить мени!
Хоть ради хоть неради,
Бо я був на чужыни —
То прыймить Хрыста рады.“

Попрощалысь братолюбно,
Блызенько над селом;
А мисяць моргав чудно
И просвищав путь обом.

Ухмари вырынав,
То вныз то у гору,—
Наче байдакы впурналы
На буйному морю...

Чумак письню спивае,
Катри звистку подае,
Голос нызом лунае,
Катри спрыту додае:

„Ой горысте, село Расаво,
Бо сюда гора и туда гора;
Выйды дивчыно русява —
Выйды бо стритыть пора.

"Выйды, выйды моя пташко,
Як есть в свити жывою (?),
А не выйдеш, то буде тяжко,
Бо я скучыв за тобою."

VI.

Мисяць на хаты
Былін сіяе.
Сырота як маты
Сыроту стричае.

Зефир из ричкы,
Осиньній віе,
Взялысь за руки —
Катруся мліе.

„Я шовкову хустыну,
Тобн подарую;
Сватай мене сыротыну —
А ну-ж ище поцилую!“

Груша, персня знимае,
Из пальця мазынця,
И взаимно дивци дае,
Що любыть от сердця.

„Скажы“ каже, „Катырыно,
Чы ты й доси в Чырыднычкы?

Чы нечуть де про детыну,
Що вкрадыно коло ричкы?“

Катря: „Я в ней такы й доси,
Алы що вона казала!
„Якбы вы побралысь с Ѳодосем,
То половину-б добра дала.“

„А про детыну
Чуткы немае,
Слезам заныну
Мало буває.

„Цыганы укралы,
Чы може втопылось,
Алы сегодня казалы,
Що багато снылось.

„Що нибы мисяць ясный,
Выходыв иззагоры,
А на гори стояв прекрасный
Сынок их Грыгорій;

„З горы прыйшов и просіяв
У срыбли и злати,

И мылозвучно сказав:
„Ось-де моя маты.“

Потим свое говорылы,
На вози сыдяче.
И чуть оси невломылы.
А Катря аж плаче:

„Ой, Ѳодосю, мій Ѳодосю!
Думай лыш о сыротах!
Що буде, як вломым осю
Пры узеньких воротах?“

Чумак: „Якбы поламалы осю
То яб другу пыдробыв,
Уже раз так довелося.
А проте тебе любыв.“

Катря: .. „На козаку нема знаку.“
Це пословыця правдыва:
Треба маты гадку таку
Щоб небуло дыва.“

Чумак: „Знаешь-що Катырыно:
Тепер ночная доба,

Вже есть десята годына,—
То вертаться треба.“

Катря: „В ночній доби небоюся,
Бо я смила як москаль;
Як с тобою розыйдуся,—
Тяжкый-тяжкый буде жаль!

„Скажы мени мою долю: —
Чы будыш на мени женыться?
Чы буду дома и в полю
Твоя жинка робитныця?“

„Чумак: „Дурыты тебе небуду:—
Я вже другій обыщявся;
Як в москали непиду.
То вже-б и винчався.“

Кат.: „Ох! Тяжкая, моя доле!“
И слезою залылась.
„Коло сердця, коле, коле;
Дармо, дармо, молылась!
„Постоянно, до пивночи,—
Бога, бога, молыла!

Слезмы вымучыла очи;
Тебе, тебе, я любыла!“

Провела вздовж села
Чумака дивчына,
Край села обняла
И каже. „що це за прычына?

„Перед намы, море, море,—
А волы брыдуть, брыдуть;
Любовь пропала,—горе, горе!
Утонымось,—души с тилом
пропадуть!“

Чумак: „Ты збожеволила иташко,“
(Обняв жалосно рукамы)
„Я вывиряв, а тоби тяжко,—
Небійся буду за рушныкамы.“

Цилувалысь як голубы
А щыри слезы лылысь,
Оттак воны ночной добы
Край села простылысь.

VII.

Сыдыть вдова, коло хаты,
Жде наймычкы з вечорныць.
А сырота: „Чы це моя ридна маты?—
Я украденый Грыць.“

Вдова чуть непомлила,
И каже: „щаслывый-же мій сон!
З яких-же ты, детыно мыла
Прыблудылося сторон?!“

Осчаслывывсь Лымаренко,
И цилуе вдови рукы:
„Мыла“ каже, „ридна ненько,
Я мав тяжки мукы,—

Покы до вас доблудывся
Аж из города Одессы,
А щоб хто оцим дозивася
То боже вас упасы!...“

Взяла вдова сыротыну,
В хату завыла;
Скупала як детыну
И чыстенько одягла.

А скотынку и одежыну,
Смолою и гасом полыла —
И каже: „я оттак зроблю сыну!“
Та в печи запалыла.

Аж трищыть та горыть
Проклята скотына;
Нышком молыться, аж говорыть
Обрадованный сыротына:

„До бога хвала,—
До бога, до бога!
Що скотына кровь пыла,—
Горы й одежыно убога!

„Ты, мени, боже, дав,
Цю скотыну преногану,
Нибы Ізраилю послав
У пустыни манну.

„Отже тоби, за те, дым,
Наче из благовонного ладану;
Дозволяйся ище й тым,
Що береш одежыну латану.

„Навчыся боже, раз навчыся,—
Немучь осыроченых дитей;
С нявкамы розлучыся,
А прыгляньнся до бидных людей!“

VIII.

Внесла вдова паляныцю
И свижого меду;
„Иды лыш сыну Грыцю
Повечеряй попереду!...

„Може меду нелюбыш,
То я тоби всего дам;
Ты в мене сыну небудыш
Кланятыся ворогам.“

Сырота за стил сидае
И звычайно хрыстыться,

„Простить мамо, а бог знае,
Що невмію молыться.“

Вдова: „Научыся, мій соколе,
Абы мав охоту:
Я непошлю тебе в поле
З людьмы на роботу.—

„Бо щеб наскудни цыганы,
Тебе пидхватылы,
И мени-б шарлатаны
Жалю наробылы.

„Ты ще й так непрызнався,
Мій пресвитлый раю,
В кого ты, сим лит карався.—
Нехай того бог скарае!“

Сырота росказав,
Як учыв его чумак,
Алы знов прыказав:
„Нехай мамо буде так;—
Так як я вам казав
И кажу.— боже вас сохраны.

Щоб хто знав, що я втикав
Из делекои стороны.“

Вдова: „Небійся моя детыно,
Я вже-й так пажурылась...
Алы де це Катырына,
Так довго забарылась?“

Сырота: „Що це, моя матинко,
Може я сестру маю?
То я еи ластивку
Як наймыт превытаю.

„Щоб вона моя мыла,
Про наши секреты незнала,
Бо часом-бы проговорыла
То мене-б запакувала.“

Вдова: „Ни мій сыну,
Вона тоби ни сестра,
Я еи сыротыну
Найняла изза Днипра.“

Колы Катря на нориг,
И каже: „счастя довелося.

Господь мени допомиг,
Побачыть Ѳодося!

„Вин ихав из Крыму,—
И як Вы булы в сусиды,
То я в добрую годыну
Стрила, и малы бысиды...

„Отце,“ каже, „я й байдуже,
Що биля вас хтось сыдыть,
То боронь его боже
Начне меж людьмы судыть.“

Вдова: „Небійся небого,
Абы ты секрет знала,
Що вин жыве в нас убогый,—
Щоб никому несказала.“

IX.

Як прыихав чумак,
До хазяйского двора,
То сотскій крычав так:
„Тобі на прызов пора!...“

Чумак: „Трывай-лыш, выпряжу волы,
Та де кого прывытаю,
И як буде колы,
Той за прызов роспытаю.

„Колы треба явыться?
Чы „очеред“ чы „выльгота?““—
Колы вперед дывыться,
Аж Параска одчыня ворота:

Румяненька, веселенька,
Слеза в очях шевелыть,
Превытала козаченька,
Так як совисть велыть.

Хазяин глянув очыма,
И здвыгнув соби плычыма,—
Тай каже: „от хлопець пивроку,
Нелиныв ый и правдывый, що року,

Щыро догляда мое добро;
Добре“ каже, „що взяв горилкы
Очыщенои циле видро,
То треба с порадою жинкы,

Зазвать духовного отця,
Та взавтра, в добру годыну
Щыренько богу помолыться
За себе и чумака сыротыну.“

Чумак волы выпрягае
И ставляе до ясел;
Хазяйка с прыходом поздоровляе;
Чумак: „Спасыби!--Аде дядько Елысей?“

Хазяйка: „Мабуть молыться богу.—
Алы маеш хороши запозы!
Я люблю, люблю-ей-же богу!
Як-же поводылося в дорози?“

Чумак: „Було добре, було й худо,
Звычайно далека дорога,
Алы я вам скажу чудо,—
Я теперь невирю в бога...“

Колы выходыть хазяин с хаты
И каже: „Ѳодось! Прыбыры все в
маказын,

Та слухай, тоби прыпысала маты
Щоб явывся на прызов у Козыи.

„Сотскій прыходыв
Разив пять пытаться,
И словесно дозодыв,
Що будыш в Сибири скытаться...“

Чумак: “От кого-ж письмо маю?“
Хазяйка: „От матыри, из Емчыхы.“
Чумак: „Яж матери незазнаю,
То мабуть от мачухы.“

Хазяин: „Мачуха вона, чы ридна маты,
Я того незнаю,
Иды лышынь ты у хату
Я тебе роцытаю.

„Тоби строк пройшов учора,
И як хоч то чемчыкуй
Сегодня из вечора —
Або рано — луче заночуй.“

В хати: „Ну оце тоби 18 р. за год
(Так як и договорявся),
А для тих велыких выгод
Що добре старався.
Моя щыра рада така —
Щоб за тебе бога попросыты,
То треба попа и дяка.
Та товстенько заплатыты.“
Чумак: „Це все дядьку пустякы:
Чы вжеж бог такый дурак,
Щоб то таки піякы
Як дармоед пип и дяк
Наклыкалы от его долю;
Бог нежыве по чужій натури
Якбы вин був то мав-бы свою волю.
„Нема бога, попы роблять нам тортуры:*)
Кладуть нам на сердця скукы,
Обдырають, кладуть на души тугу·
А бог-бы бачыв наши мукы,
Та прытаився-б — а ни гугу?

*) Мукы.

„Ни! Бог бы цего не терпив;
Бог бы мір научыв,
Що не треба попив:
И тыранства б запретыв.

„Попы бога не вирять,
Выдно по их обхожденю;
Цари им гроши мирять...
Що жмуть и жмуть люд у жменю.

„Попы кажуть: „всяки грихы,
Нам дана власть разришаты;
Алы наши тяжки грихы,
„Овцям“ треба запрыщаты.“ “

Хазяин: „Чы це ты, збожыволив?—
Держы лыш язык за зубамы;
Нам Господь не повелыв
Звать духовных ворогамы.

„Часом нин що почуе,
То дасть знаты прыставу;
Мое сердце вѣщуе,
Що в Сибирь пошлють по уставу.

„Луче быры хлиб и силь,
И пальцю в рукы,
Тай смалы нескилько миль —
И мовчи — щоб невпав у мукы.“

Святый чумак поклонывся
И каже: „спасыби за раду;“
Та пишиком посуетывся —
А Параска за ным иззаду:

„Потрывай-лыш, друже мылый!
Я тоби щось и скажу:
Ты пред богом несчаслывый,
То хоть я щось поможу.

„Выртайся лыш на вакзал,
Я тоби билет куплю:
Мени тебе дуже жаль,
То може жаль утолю!“

Став чумак, повернувся
До прекрасной Параски,
И плачевно осмихнувся,
Як почув си ласку.

И промовыв мылозвучно —
(Звычайно як до дивчыны):
„Мени“ каже „буде скучно
Через лыхіи прычыны,

Що наче на жаль,
Всего 18 рублив есть,
А сныться, що буду москаль,
То горда мени буде честь.

„Не буде одежи солдатскои:
Будуть штовханы пид бокы;
Скажуть: „линьтяй породы хохлацкои“ —
И буде болить хто зна докы.

„Звычайно, не пид бокамы,
Алы коло сердця,
Що над святымы козакамы
Лютый ворог сміеться.

„Ты, Параско, добре знаеш,
Що я не линывый,
Тилько те замичаеш,
Що убогый несчаслывый.

„Тай щогоб-же счаслывый був,
Колы от 2-х руб. до 18 рочно калатав,
А на батькови довг був,
То я отдав, и за душу давав.

„Теперь иду служыть дармо,
То не росплачуся с тобою;
Жаль твоих трудив проводыть марно,
Луче иду нихотою.“

Параска: „О, козаче, мылый друже!
Ты мене обидыш,
Мени жаль буде дуже
Як що нишком идыш!“

Хоть нерадо, а согласывся,—
Параска билет купыла:
Як с Параскою простывся,
То Параска говорыла:

„Прощай мылый чорнобрывый,
Мене в сердци не залышы,
Чы здоровый.—не здоровый —
А до мене все ныны!“

Сив козак на машыну,
Машына свыстала,
А Параска хустыну
Шовкову махала.

У вагони на ослони,
Пидпер смутну головоньку...
Аж кондуктор загомонив:
„Вставай парынь—Мироновка!“

Зыйшов Груша из поезда,
Аж дощь льє як из видра,
„Оцеж“ каже „лыха бида,
Що все нема мени добра.“

Сив от дощу у вокзали,
Тай розважа скуку,
И задримав соби с жалю,—
А проснувшысь забыв руку.

Снылось, що пидняв праведный взор,
В небесно-темный простор,
Так, що не выдно було зор
Тилько святый омофор.

(Такый як бачыв Андрей,
Той що був юродывым,
Що з ученыком дурыв людей
Превелыкым дывом).

Будьто божа маты руката,
Так що вси ликы св. покрыла;
Наче квочка мали курчята,
Квокчуче сховала пид крыла.

Святіи кремзають хор,
И роблять соби спектакль,
Бо их святый омофор
Покрыва от дощовых капель.

Ангелы шепчуть над уши
Тыранским патріотам,
Щоб знаты, як бидних души
Запрягаты до роботы.

Царыця, Катырына друга,
Чынно меж святымы ходыть;
На всякого свого друга
Морга и очыма водыть.

Познав и ривноапостольну Ольгу,
Що за тріумф *) и трофей **),
Оставыла кроваво—ричку довгу
С бидных невынных людей.
И начав сонный крычать,
Аж роздалось по вокзали эхо:
Жандарм прыбиг замичать,
Наставывше блызько ухо.
Думав, сонный секрет роскаже,
Якый певно в сердци мае,
И сам на себе докаже,
Як про царя и духовных дбае.
Що жандарм полагав,
То така й прыйшла пора:
Чумак Ольгу сонный звав
С пид святого омофора.
И укоряв: „А ты, тыранко, Ольго!
Чого меж ликом святых?
„Мабуть пресвятылася того,
Що мучыла Деревлян, отих

*) Побѣда, торжество. **) Добыча.

Що Мал послав их, тебе свататы;
А ты, з яростію святою,
Начала их гордо вытаты,
Що мужови твоему Егорю,

Не хотилы платыть дани.
„Ты Малове посольство
Жывцем закопала в ями.
„Мал послав друге посольство,

До тебе „прекрасной“ пани,
А ты й те замкнула,
И жывцем спалыла в бани.
„Сорок послив з свита зопхнула.

Третій раз, зробыла тризну *).
За мужа твого Егоря;
Зробыла подло ризыю:
Женам з дитьмы наробыла горя.

„Пять тысячь побыла обманством.
„Вернулася до Кыива ибы и святою.—

*) Поминки.

„„Ни!“ ты сказала, „розбю их своим
наиством!“
„Взяла військо тай до бою.

„Взяла й сына Святослава,
(Ему був шостый рок).
Щоб була и его слава,
И военный первый урок.

„За що-ж была, невыиных Деревлян?
Город их, Коростень розорыла:
Сикла их, так як бурьян
И бильшу дань наложыла.

„От-жеж ты, неправедна Ольго,
Алы чого в святому лику?
Злитай! Ты святою не будыш довго,
Бо бидным вкоротыла вику.“

Ольга нибы злетила з неба,
Та словамы Грушу ляка,
А Груша знав чого треба,—
Сциныв мицно кулака —

Та хотив достойно святыть,
Алы не так довелося:
Морснув жандарма по носи,
А той у свысток свыстыть.

Начальнык станціи вскочыв,
И каже: „Що тут за прычына!“
Жандарм до его прыскочыв,
И каже: „Он стоить лыха лычына.—

Той триснув мене по носи,
Аж в очях потемнило;
Кровь струею полылася,
И наче ще щось гомонило.“

Начал.: „За що вин тебе триснув?“
Жандарм: „Вин сонный щось болботав,
А я слухав — ни шелеснув,
Та все на ус соби мотав.“

Начал.: „Ты мотав на ус,
Яка его дума,
А вин мотнув тоби в нис
И додав бильше ума.“

Чумак: „Господыи начальныk!
Хемерный сыгнальный вызов,—
Мени трохы печально,
Що йду в Козыи на прызов...

„А воно бачте, як недоля,
То щось лыхе й прыверзеться;
Наробыв сонный горя —
Алы я невыныи здаеться.“

Начал.: „Ну, ты у Козыи махай,
Бо вже скоро буде день,
А ты жандарм выдыхай
И не смишы тым людей.“

X.

Груша в Козыи прычвалав.
В дощову годыну,
Та емчыхских выглядав,
Стоя коло тыну.

Всякый староста иде,
А позаду некруты,

Наче продавать веде.
А воны роздявывше роты:

Спивають и танцують.
Аж побралыся у бокы.
Выдно не долю вищують
Прыневольни неборакы:

„Будым“ кажуть „людей стрыляаь,
За отечество и виру,
Бо нам враги так велять,—
Велять по розмиру“.

У те время. Груша взнав
Емчыхскіи хлопци,
И сердешно их вытав:
„Здоровы молодци!

„Маю честь вам прызнатысь:
Сын покойного Груши, Харытона,
Хоху спивать и прыслухатысь
По вашому тону!“

„Здоров-здоров товарышу!“
Уси разом закрычалы:

„Батька твого, дида Грушу,
Наши батькы зналы...“

Попрыймалы хлопцив бравых,
Прыйнялы и Грушу.
„Горе,“ каже, „нам темряве,—
Горе! Алы дещо сказать мушу.

„Сказать мушу!“ дума Груша,
„Лыш пры добри годыни,
Бо не одна добра душа,
Мучыться на Украини.“

По прыказу, пріемщыкив-панив,
Кончывся той роковый сызон,
А молодцив як баранив
Выганяють на выгон.

Гоныть их унтер-офицер
И по два становыть,
С боку выдно, що теперь
К соблазну готовыть.
„Пйдым,“ каже, „прысягаты,
Щоб душогубцямы буты,

Треба разом сягаты,
Вымынаты боты...

„Смырно! Раз-два,—арш!
Лѣвой, лѣвой, лѣвой. лѣвой,
(Це вам душогубный марш),
Раз два, лѣвой лѣвой...“

Ввийшлы в той св. храм,
Де нии мае добре вчыты,
А нии в рызах стоить там
И внушае людей быты.

Нагострывся, на амвони,
Взявше крест у рукы;
Энергично загомонив:
„Не бійтеся мукы!

„Убывайте тих солдатив
Що вам зла не зробылы,
И воны мають супостатив,
Яки кажуть щоб вас былы.

Притча Самарянина.

„От-же вас прыневолять,
На те поле бытвы,
Там не треба бога вмолять,—
Не поможуть там молытвы.

„Там усе буде легально:— *)
Проты вас армія выйде:
Музыка загра нахально,—
Тоди не з одного душа выйде.

„Будыте, як жабы квакать,
В военніи вакханаліи, **)
Невольно думать ни плакать;
Будуть быть вас каналіи.

„Ище, рады Хрыста,
Прошу вас, не забувайте:
Вчуите ричь Анархиста,—
То отнюд не втикайте!

„Прыслухайтесь,—наставляйте уши,
Бо ось их радикальніи сюжеты: ***)

---

*) Законно. **) Дикій разгулъ.
***) Предметы к покоренію.

Не вирять в бога, и безсмертіе души;
Крытыкують релыгіозніи суеты.

„По всему земному міру
Хотять замкнуть арсеналы *),
Щоб солдату, так як звирю,
Ружя в рукы не давалы.

„Щоб солдаты, ваши браты,
Кынулы це тяжке бремя,
Та взялыся до роботы.
Бо на це вже прыходыть время.

„Не потребують царизма,
И духовного дармоида,
А держяться Анархизма,
Щоб усим була свобода.

„Щоб на души була земля,
По всеобщему розмиру;
Щоб всякому була воля,—
От яку треба мать виру!

---

*) Оружейные дворы.

„А за бога воны мають
Всеземных дружных людей,
На яких и уповають,
Що добьються тих идей.
„Их идеи перспектывни *),
Щоб всим ривни права даты.
За те, воны нам протывни,
То их треба убываты.—
„Второпалы мою оду?“
„Второпалы!“ уси обызвалысь.
„Ну. держить-же всякый морду,
Не кажить де научалысь.
„Вдарте чоламы в пидлогу;
Евангеліе цилуйте;
Возмить добре у головы,
Врагов своих не мылуйте!“

XI.

Выйшлы с тіи обытели,
Хранять в умах оду,

*) Выдни, зрительни.

На шляху ждуть пріятели,
З разнообразного народу:
Плачуть батькы, матери,
Жинкы и красыви дивчата,
Що в прыродніи натури,
Треба слухать свого ката.

XII.

А Катруся, билолыцяя русява,
Що служыла в Чырыднычкы,
У славним сели Расави —
Де осчаслывывсь невелычкый
Лымаренко,—
Почула, що Ѳодось уже москаль,
Та дуже сердешна журылась:
„Боже,“ каже, „мени на тебе жаль!
Бо снылось, що я з Ѳодосем
жынылась!
„Ты мени боже во сни являвся;
Я нечальна, мабуть умру;
Боже, ты з мене насміявся,
Ну, я и тоби зроблю труну.

„Правда, тебе не вловыть и чорт,—
А я знаю що зроблю,
Он у рямках твій портрет,
То я его утоплю.“

Выйняла тую картыну,
Що богомаз намазав,—
„Оце,“ каже, „за ту прычыну,
Що ты мене наказав.

„Я тебе, боже, молыла-молыла,
А ты не чув наче глухый.
Дрибни слезы вылыла-пролыла,
А ты не бачыв наче слипый...“

Поризала бога, Савагоѳа,
И в помыныцю посыпала;
(Побидыла як Давыд Голіяѳа...)
И высивкамы прысыпала.

Взяла палыцю довгеньку,
Та с помыямы змишала,
Видром несла помаленьку,
Та свыням высыпала.

И каже: „За те, що ты був безпорядныk,
Хоть я буду лежать в трупи,
Алы над тобою я урядныk:
Теке в перед зъидять свыни...“

Кончылы бога до тла,
Удовыни свыни.
Вдова из Грыцем прыйшла
И каже: „Катырыно!

Чула я, моя небого,
Що Ѳодося прыйнялы.—
Ох! Нема у рямках бога —
Мабуть старци узялы?“

Катирына: „Ни, я ему кару зробыла:
Его зъилы свыни.
За те, що я его молыла,
А вин не чув сыротыны.“

Вдова: „Боже міи, Катырыно!
Горе нам, горе нам!
Грыцю, моя детыно!
Вона бога дала свыням!

„Яж его, мій сыну,
Рано и вечир молыла,
То тебе, мою дытыну,
Через бога прыманыла.“

Грыць: „То чого вам журыться?
Хыба мало богив есть?“
Алы тая молодыця
Рознесла далеко висть.

Прыихалы рабы царски,
В тую тяжкую годыну,
Та замкнулы в цепы тяжки,
Сыротыну Катырыну.

Осудылы на Сахалин,
И туда погналы,
И там ен красу як крин
В землю закопалы.

XIII.

На самое Введеня,
Раненько у ранци,

Староста в сели ганяв,
Шукав новобранцив.

Новобранци не линыви,
Раньше старосты усталы,
Як до утрени дзвонылы,
То из села утикалы.

Утикалы в край свободный,
До славнои Амерыкы,
Де суть порядок народный,
Не Рускои полемыкы.

Груша з нымы утикав
И тяжко трудывся;
Мылу Параску спиткав
И гарно розжывся.

Тай сказав:

"I don't go to my country,
As I found liberty here!
And in every state and the county
Суть цивилизованый мір!"

XIV.

А счаслывый Лымаренко,
Що назвався „Грыцем,“
Хязяйнычыв помаленьку
В тіи молодыци.

Вона за Катрю журылася
И що Катря скарала бога,
Незадовго з ниг звалылася,
Умерла небога.

„Сынок Грыць“ еи сховав,
Як матирь ниврoку,
Алы попа прызывав
Из села Потоку.

Бо як вин там блукгав,
(Покы не був „Грыцем“),
То той нин ему дав
Цвилу паляныцю.

А дяка прызывав
Аж из Кагарлыка,—
Бо той ему колысь дав
Мягкого грычаныка.

Достав свое и Авраам,
(Чесный дяк расавскый),
А священныk („лютый Хам“)
Мав гнив дуже тяжкый.

Заплатыв дякови товсто,
(Тому, що грычаныка дав),
А „хамови“ робыв помсту,
Що на поли обмынав.

У те время, дознався,
Пострадавшый малым „Грыць,“
Що той „Хам“ назывався
Марко Кровопыець.

Богови вже не хвалывся,
Бо воно все суета,
„Грыць“ сказав (як убидывся):
„Нема бога ни чорта.“

XV.

Потим славним похорони,
„Грыць“ стався богатый,
Заприг свои добри кони
И одвидав матирь.

Прыихав в панским убрани,
В темряво-вечернюю годыну,
Прывязав свои кони
До пиднертого тыну.

Коло пиднертои хаты,
Маты нудьгу вечерала,
И тая бидна маты
Свого сына не познала.

„Грыць“: „Добрый вечир ридна
мамо!“
Маты: „Добрый вечир панычу.“
„Грыць“: „Чы не буде мени погано,
Що дары вам зычу?“

Маты: „Бог знае про вас
И зна про вси дары,
Може вы зайшлы до нас
Зробыть якись чары?“

„Грыць“: „Бог не знае, ни про мене,
Ни про дары, ни про вас;
Вы не позналы мене,—
Я ваш ридный сын Ивась.“

Маты: „Ты Ивась, моя детына (!?)
Деж-ты так преубрався?
Де твоя латана свытына?
Чого ты нас оцурався?“

„Грыць“: „Люды мене преубралы,
Таки сами як и я,
Попы мене обмыналы,
Така доля була моя.

„Латаную свытыну
Скурыв богови на жертву,
И прокляту его скотыну,
Що вин создав мене жерты.

„Ридна, бидна, моя мамо,
Я вас не цурався;
Хотив найняться у наймы —
Алы не найнявся.

„Скакав, богови молывся,
Щоб поправыв лыху долю;
Був уже з ниг звалывся
Пры лютому горю.

„Бог мени не помиг;
Не помоглы и багачи;
Дурно не чуствовав ниг;
Дурно выплакав очи.

„Помиг мени, святый муж,
Философ народный,
Писля того я став дуж,
Паныч невымодный.

„Ходим лышынь, мамо,
До воза и коный,
Я добро для вас маю,—
Не кажить с тыранив никому.

„Бачте, якый трофей на вози;
Це ваш труд и ваши дары,
Тилько не вирте о бози,
Бо то тыранськи чары...“

Маты добра не схотила,
И муку зробыла сыну,
Кони з возом отпустыла
Тыранам и сына их чыну.

Сама мучыться слиною;
Носыть на соби ярмо,
А сын плаче: „що с тобою,
Мамо моя, мамо!!??“

Притча Самарянина, ... 10 цент

Бог на Украіні, ... 10 „

Можно получить у автора по слѣдующему адресу:

EMILE PROZORA,

147 FORSYTH ST., NEW YORK.

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY